

М.Д. Брызгалова
ORCID: 0000-0001-9561-0204
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: maria.bryzgalova27@gmail.com

УДК 821.161.1-3(Толстая Т.)
DOI 10.26170/ufv19-03-10

ТАТЬЯНА ТОЛСТАЯ: САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ VS ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕПУТАЦИЯ

Аннотация. В статье проанализировано соотношение литературной репутации Татьяны Толстой, складывавшейся с момента начала ее творческого пути, и ее самоидентификации в новой прозе, опубликованной в 2010-х годах. Т. Толстая, появившись в литературе как очень яркий и неординарный автор, в последующие годы выбирала различные творческие стратегии, предполагающие разные творческие амплуа – публицист, телеведущая, блогер, что не могло не отразиться на ее литературной репутации. В выбранных ею стратегиях также присутствует достаточно провокативная линия поведения, которая подтверждает сложившееся о Татьяне Толстой мнение как о «неудобном», «непочтительном» и «ядовитом» авторе. Несмотря на возвращение Толстой к художественному письму через блог и издание тетралогии (сборники «Легкие миры», «Девушка в цвету», «Невидимая дева», «Войлочный век»), она остается в литературе прежде всего как автор рассказов 80-х годов и романа «Кысь», и воспринимается критиками в основном как автор, оставивший художественное письмо, ставший медийной личностью. В новой прозе Татьяна Толстая воспринимает себя в первую очередь как писательницу – художественный мир текстов 2010-х годов литературоцентричен. Автобиографическая героиня Т. Толстой так же «неудобна» и «непочтительна», как и сама писательница, но вместе с тем обладает способностью видеть то, чего не видят остальные, и творить.

Ключевые слова: литературная репутация, творческие стратегии, блоги, автобиографические героини, русская литература, русские писательницы, литературное творчество, автоидентификация писателя.

M.D. Bryzgalova
Saint-Petersburg, Russia

TATYANA TOLSTAYA: SELF-IDENTIFICATION VS LITERARY REPUTATION

Abstract. This article analyses correlation between Tatyana Tolstaya's literary reputation, which has been developing since the beginning of her creative career, and her self-identification in the new prose, published in the 2010's. T. Tolstaya had appeared in literature as a very bright and outstanding author, and in the following years she was choosing different creative strategies, intending to have different creative roles – essay writer, TV presenter and blogger. Naturally it had an impact on her

literary reputation. There is also a quite provocative behavior pattern in all the creative strategies which she had chosen – that confirms already existing view on Tatyana Tolstaya as on a very “improper”, “disrespectful” and “poisonous” writer. Despite the fact that Tolstaya returned to creative writing by means of her blog and following publication of the tetralogy (consisting of story-books “Imperceptible Worlds”, “The Girl in Blossom”, “The Invisible Maiden”, “The Century Made of Felt”), she’s still particularly known in literature with her short stories of the 80’s and the novel “Kys”. Tolstaya is also understood by critics as an author who left creative writing and became a media personality. In the new prose Tatyana Tolstaya presents herself primarily as a writer – artistic world of these texts is literature-centered. Autobiographical heroine of Tatyana Tolstaya is “improper” and “disrespectful” as well as her real prototype, but, instead of this, she’s capable of seeing things that no one else can see and of creating texts.

Keywords: literary reputation, creative strategies, blogs, autobiographical heroines, Russian literature, Russian writers, literary work, auto-identification of the writer.

Татьяна Толстая – один из самых провокативных современных авторов с достаточно неоднозначной литературной репутацией. Она во многом обуславливается тем, что в разные этапы творчества писательница выбирает различные творческие стратегии и творческие амплуа, в рамках которых она работает так же разнообразно.

Татьяна Толстая вошла в литературу «твердо, независимо и спокойно» [Бахнов 1988: 226], сразу заняв позицию безусловно талантливо-го и неординарного, но при этом очень неоднозначного автора. Критики, признавая мастерство ее слога со всей его щедростью, красочностью, иногда избыточностью, много спорили о литературном направлении, к которому принадлежит Толстая. Ее ранние тексты (как и появившийся через десять лет роман «Кысь») оставляют место для различных интерпретаций, каждая из которых по-своему доказуема, например, ее творчество и ныне «вписывают» не в одну художественную парадигму. К моменту выхода романа «Кысь» за писательницей утвердилась литературная репутация очень яркого автора, который ни с кем не считается, «непочтителен и ядовит» [Гоцило 2000: 13], и при этом полностью уверен в своей позиции писателя, создающего новую литературу.

Татьяна Толстая хорошо понимает меняющиеся законы времени, в котором она живет и пишет. В начале ее творческого пути литература остро нуждалась в новых именах, новых стилях, в произведениях, которые были бы непохожи на то, что создавалось в предыдущие несколько десятилетий. Согласно теории И. Розанова, движение в литературе организуется притяжением, отталкиванием и инерцией. Инерция не дает писателю быть абсолютным новатором, определяя его через уже существующую литературу, отталкивание позволяет ему создавать собственный стиль письма на контрасте с предшествующими, а притяжение «может быть только к тому, что отдалено от нас некоторым расстояни-

ем: иначе оно никак не может быть замечено» [Розанов, 1990: 20]. Творчество Татьяны Толстой подтверждает эту теорию: активно насыщая свои тексты общемировыми культурными кодами, писательница отчаянно пытается оттолкнуться от всего советского, казенного, подневольного, несвободного (в том числе, и от литературы), и обращается напрямую к традициям Серебряного века. Неслучайно свою раннюю прозу Т. Толстая сравнивает с творчеством забытого писателя начала 20-х годов XX века – красочным, густо насыщенным образами, афористичным и в какой-то степени тяжеловесным, пытающимся сохранить традиции предшественников в реалиях нового времени.

В последующие годы творческие стратегии Татьяны Толстой меняются, они предполагают большую степень вовлеченности в общественные события и медийность. Творческие амплуа писательницы в это время – публицист, телеведущая, блогер, что предполагает определенные изменения литературной репутации, и Татьяна Толстая становится еще более спорной фигурой. Ее публицистические тексты, по словам Александра Гениса, «полные гнева и пристрастия» [Генис 2009: 213], у многих вызывают возмущение: чаще всего писательницу обвиняют в высокомерии, необъективности и неприязни к народу. Т. Толстая, выбирая своим литературным ориентиром Серебряный век и крайне отрицательно относящаяся ко всему советскому, выстраивает в своих публицистических текстах соответствующую модель истории XX века – революцию устроили «мясники двадцатого века, гонявшиеся за людьми» [Толстая 2015: 36], пытающиеся все нежное, хрупкое, вечное сломать, уничтожить, убить, и на месте прежнего (живого, индивидуально, относящегося к золотому веку русской истории) возвести что-нибудь казенное, уродливое и мертвое. Подобная позиция изначально достаточно провокативна и вызывает большое количество откликов, в том числе и негативных. К примеру, Захар Прилепин обвиняет писательницу в излишнем либерализме, необъективном и зачастую гротескном изображении народа, ее позиция и представления кажутся Прилепину «малообоснованными, надуманными, литературными» [Прилепин 2004]. Подобные отзывы выявляют еще одну черту, характерную для литературной репутации Татьяны Толстой – явственную принадлежность писательницы к «высшим кругам», предполагающую предельную отдаленность от народа и достаточно высокомерное к нему отношение. Да, писательница действительно принадлежит к роду, известному в России, который всегда был тесно связан с литературой и переживал настоящий расцвет в «золотой век», так значимый для Татьяны Толстой. Революцию семья сначала не приняла, Толстые эмигрировали в Париж и прожили там четыре года, но затем вернулись: «Мне не удалось родиться француженкой: буйабес был давно забыт, денег все не было, есть было

ничего, и однажды дед сказал бабушке, чтобы она пошла в аптеку и на последние гроши купила яду на всех: умрем все вместе. Бабушка охотно согласилась, прогулялась к мяснику, купила на все франки бифштексов, и они отлично поужинали. В Париже глупо кончать с собой, когда можно поужинать. А потом они все равно вернулись в Россию» [Толстая 2015: 54].

Вплетение семейных историй в публицистические тексты – характерная черта письма Толстой; история предыдущих поколений и собственного происхождения во многом определяет ее отношение к миру и, безусловно, задает круг тем, которые ей интересны. Захар Прилепин – писатель «из низов» (во всяком случае он так себя позиционирует), что объясняет его возмущение публицистикой Татьяны Толстой, и, с точки зрения человека с иной семейной историей, это возмущение, возможно, справедливо. Намеренное отделение себя от народа (что не исключает искренний интерес по отношению к нему), в свою очередь, объяснимо и справедливо для Толстой и среды, в которой она выросла.

Мнения критиков об обращении Т. Толстой к публицистике полярны: одни утверждают, что писатель, так ярко заявивший о себе, слишком расточительно относится к своему таланту, занимаясь публицистикой [Осьмухина 2012: 52], другие (как, например, Елена Гоцило) уверены в том, что публицистические тексты писательницы «никогда полностью не отрываются от художественного творчества» [Гоцило 2000: 8], являясь логичным его продолжением. Нам представляется возможным говорить о безусловной узнаваемости стиля письма Татьяны Толстой – и в прозе, и в публицистике, и позднее в текстах блога он характеризуется ироничной тональностью, афористичностью и интертекстуальностью.

Амплуа телеведущей предполагает еще большую отдаленность от художественной литературы. Подобный выбор творческой стратегии достаточно необычен для писателя, но органичен для Татьяны Толстой – автор, уже создавший новую литературу и не считающийся ни с чьим мнением, может позволить себе делать то, что ему в данный момент интересно – к примеру, стать медийной личностью, умеющей работать не только с текстами, но также со смыслами и чужими высказываниями.

В декабре 2007 года Татьяна Толстая возвращается к созданию текстов, но в особом формате – заводит блоги на платформах LiveJournal и Facebook. Как уже было сказано выше, писательница хорошо понимает законы времени и механизмы изменения литературных процессов. Если до XXI века механизмы функционирования литературы предполагали «дифференциацию и институционализацию ряда социальных ролей» [Рейтблат 2001: 6], таких, как писатель, читатель,

издатель, критик, цензор, библиотекарь и другие, то в последние двадцать лет эта дифференциация выражена не так ярко. Неотъемлемой частью жизни писателя (и читателя) становится интернет – он стирает границу между ними, делая возможным немедленный отклик читателя на только что появившийся текст. Более того, читатель может свободно публиковать собственные тексты и находить свою аудиторию, становясь, таким образом, в свою очередь автором. Литература постепенно превращается в сетевую, и писатели, ранее выпускавшие книги в традиционном бумажном формате, в большинстве своем принимают новую форму бытования литературы, для которой характерно «тяготение к новой природе художественного текста» [Абашева, Катаев 2013: 136].

К моменту появления блога Татьяну Толстую воспринимают как автора, который, несмотря на весь свой талант, окончательно оставил художественную литературу, и в одном из интервью писательница подтверждает это, говоря, что она утратила интерес к вымыслу и хочет перейти к мемуарному или полудокументальному жанру. В одном из первых постов в Живом Журнале Т. Толстая сообщает, что блог заведен исключительно для вопросов, касающихся телепередачи «Школа Злословия»: «Сразу разочарую тех, кто рассчитывает почитать: я не буду вести дневник. Я буду отвечать на некоторые вопросы приличных людей, а сама высказываться вряд ли буду. Этой потребности у меня нет» [Толстая 2007]. Вместе с тем через несколько месяцев в блоге появляются первые посты, которые можно назвать художественным эго-текстом или полудокументальной прозой, которая в любом случае тяготеет к художественности: о домах в критской деревне Маргаритес, которые перекрашивают из исконного голубого в туристический желтый, разрушая этим их красоту и уникальность; о чудесной публике, которая иногда попадает в телепрограмме «Школа злословия», и это слышно через воздух и пространство: «Не знаю, что тому причиной. Что при этом чувствуешь? – что-то похожее на то, что происходит в конце набоковской “Весны в Фиальте”, что-то меняется, что-то сдвигается... ах вот оно что: солнце пробилось сквозь облака и вот почему “сверкала серебряная бумажка, дрожал ответ стакана, мерцало море”. “Белое небо... незаметно налилось солнцем, и теперь оно было солнечное сплошь”. Солнечное сплошь» [Толстая 2008].

Стиль ведения блога Толстой достаточно провокативен и в очередной раз подтверждает ее репутацию скандального и «неудобного» автора (равно как и медийной личности, обладающей теми же качествами). В Живом Журнале Толстая время от времени напоминает своим читателям, что она самостоятельно устанавливает правила ведения блога и никаких комментариев по этому поводу не приемлет: «В русском языке есть матерные слова. Я их употребляю. Они бывают

прекрасны и уместны, а бывают непрекрасны и неуместны. Судить о том, когда мне употребить матерное слово, буду я. “И пока мне рот не забили глиной”, я буду говорить (и писать в своем ЖЖ) то, что хочу. Ни в чем себя не ограничивая» [Толстая 2008].

В формате блога, который предполагает непосредственное взаимодействие с читателем, на тексты немедленно находится отклик – чем более остра тема, поднимающаяся в тексте, тем более бурное обсуждение разворачивается в комментариях. Как правило, наиболее обсуждаемые посты посвящены общественным или политическим событиям, и в них Татьяна Толстая со свойственной ей резкостью и безапелляционностью высказывает собственное мнение. В последние несколько лет, после окончательного перехода Толстой с платформы LiveJournal на платформу Facebook, все чаще встречаются посты с прямой провокацией – к примеру, размещая на своей странице в Фейсбуке нестандартный рецепт салата оливье, писательница открыто призывает устроить в комментариях бурное выяснение отношений по этому поводу: «Короче, я тут приклею свой старый пост (2011) из ЖЖ про оливье. Вы поймете, что я права, а все другие и остальные неправы! И, конечно, взаимные оскорбления и разрыв отношений вплоть до бана приветствуются» [Толстая 2018]. В посте писательница со свойственной ей жесткостью и саркастичностью определяет правила, по которым эта оживленная дискуссия должна идти – в ней обязательно должны присутствовать оскорбления, нецензурная лексика, а «отдельные комменты от удивленных дам, пришедших к шапочному разбору, не считаются (“я думала, вы интеллигентная женщина, а вы материтесь!”; “не ожидала от любимого писателя такой базарной склоки!”). Всегда кто-то чего-то от меня не ожидал, так вот вам, нате» [Толстая 2018]. Время от времени Т. Толстая продолжает обращаться к пользователям и в комментариях, где обсуждается рецепт, заявляя, что дискуссия идет слишком вяло, она ожидала большего и т. д. Комментаторы, к большому удовольствию Толстой, злятся и «ведутся» на провокации – и это именно та реакция, которую она ждет.

В 2010-х годах Татьяна Толстая вновь сделала неожиданный шаг, интенсивно возвращаясь к традиционному варианту художественной самореализации. Тетралогия, изданная в 2014-2015 годах (сборники «Легкие миры», «Девушка в цвету», «Невидимая дева», «Войлочный век»), объединяет раннюю прозу, публицистику и новые тексты, изначально появлявшиеся в блогах, и представляет собой наиболее полную картину творчества Татьяны Толстой за последние двадцать лет. Основной тенденцией прозы 2010-х годов становится ее установка на документальность и автобиографичность, происходит переход от третьего лица к первому, писательница начинает открыто говорить о себе, своем

мироощущении и писательской позиции. Во многом она согласна со сложившейся литературной репутацией и подтверждает свою обособленную позицию: «Я человек отдельный, я человек надменный, я никогда не участвовала ни в каких кругах. Весь этот мир копошения советских писателей – он находился где-то вот там, внизу, а диссидентский мир где-то сбоку, и ни то, ни другое мне не импонировало. Мне нравились только старые умные книги и всякие полеты поэтические. А вот эти все современные речи – нет» [Толстая 2014: 442]. Писательница с самого начала своего творческого пути оставляет за собой право писать только о том, что ей интересно, и только тогда, когда хочется. Как было показано выше, особенно ярко это проявляется в публицистике и текстах блога. В прозе она выбирает персонажей, которые будут ей дороги, темы, которые ее волнуют, и сюжеты, которые интересно будет развивать. Т. Толстая вновь активно заявляет эту позицию, изначально содержащую в себе протест против общепринятого, в речи своей автобиографической героини: «Люблю, что хочу и кого хочу. Не пойду по дороге, пойду поперек. Не по земле, по облакам» [Толстая 2015: 29].

В новой прозе Татьяна Толстая почти никогда не говорит о себе как о писателе: ее автобиографическая героиня преподает, ведет программу «Школа Злословия», проживает какие-то бытовые реалии, вспоминает о семье и детстве, но никогда не пишет что-то «художественное», не говорит о творческих замыслах и механизмах их воплощения. Эпизод, посвященный именно созданию текста, есть только в повести «Легкие миры», где героиня преподает творческое письмо в колледже и однажды понимает, что у одного из ее студентов (очень талантливого по сравнению с остальными) точно такое же синестетическое восприятие текста, как у нее самой – буквы, слова и предложения имеют разные формы, оттенки, объем; текст видится им цельным и почти материальным: «– А если вот тут подцепить и тянуть отсюда? – осторожно спросила я и показала пальцем. Он посмотрел.

– Можно, – отозвался он, подумав, – но ведь тогда провиснет вот это? – и тоже показал.

– Да... Но если подложить сюда немного, – ля-ля, ля-ля, строчки четыре, не больше, – а начало просто отстричь? – Я не верила, просто не верила, что это происходит.

– Ага, и вот так вот заплести! – засмеялся он. – Понял, понял! Можно! Тогда я вот тут утяжело.

И потыкал пальцем в бумагу, утяжеляя.

– И вот эту фразу я бы убрала...или передвинула. Она розоватая, а тут, в общем, дымно.

– Нет, она мне нужна. А вот я ее в тень. И, и, и...добавлю букву “джей”, она графитовая» [Толстая 2014: 169-170].

Больше ни в одном из текстов автобиографическая героиня Татьяны Толстой не фигурирует как писатель и не говорит о собственных механизмах творчества. Вместе с тем практически вся новая проза так или иначе затрагивает вопросы мироустройства, у писательницы есть собственная картина мира, которой она делится с читателем. В основе этого мира, изначально логоцентричного, лежит нахождение высказывания и создание текста, поэтому напрямую позиционировать себя (и свою автобиографическую героиню) как творческую личность было бы излишним: этот мир, с его изначальной установкой на художественность, может принадлежать только писателю.

Личностная самоидентификация Татьяны Толстой в новой прозе также соответствует сложившейся литературной репутации: она по-прежнему непочтительна, не считается ни с чьим мнением, иронична (а зачастую – саркастична), очень пристрастна и вместе с тем безжалостна; «чего-чего, а нервной системы у меня отродясь не было» [Толстая 2014: 296], – пишет она в одном из своих эго-текстов. Вместе с тем у нее (а вслед за ней – и у героини художественного автобиографического текста) есть возможность выходить в «легкие миры» – иные измерения, в которых мертвые по-прежнему живы, вещи получают способность мыслить и чувствовать, а сама героиня творить; у нее есть редкостный дар видеть то, чего не видят другие, и облекать это в слова и сюжеты. Собственный образ, воссозданный в прозе, достаточно контрастен, но вместе с тем целостен, и одно не противоречит другому.

Издание тетралогии было воспринято благосклонно, критики отметили и новую манеру письма – более легкую, изысканную, «кружевную» поэтику прозы: «Фраза, как всегда у Толстой, выверена на слух, детали и редкие сцены отточены и рассыпаны простым, но изысканным узором» [Сурат 2014: 191]. Несмотря на возвращение к полноценному художественному письму, Татьяну Толстую в русской литературе продолжают воспринимать прежде всего как автора рассказов, опубликованных в 80-е годы, и романа «Кысь». Новая проза с ее установкой на документальность и автобиографичность уже не создает литературу, необходимую эпохе, но дает новые знания об авторе и его художественном мире. Новая проза пишется уже не для того, чтобы показать всем, как делается литература, но для мемуаризации событий детства и юности и для попытки описания собственного видения мироустройства.

В настоящее время Татьяна Толстая продолжает существовать с литературной репутацией изначально очень яркого автора, который отошел от художественного письма ради других творческих амплуа; второстепенность этих амплуа по сравнению с основным – писательницей – и их смежность учитываются редко. Некоторые критики (в частности, И. Сурат) не поддерживают эту точку зрения и продолжают определять Татья-

ну Толстую прежде всего как писателя: «Большой писатель бывшим не бывает – он движется по личной, сложной и таинственной, самому ему не всегда понятной траектории, не соотносясь ни с читательскими запросами, ни с так называемым «литературным процессом», и если долго молчит, значит, такова потребность его внутреннего роста и/или мера его строгости к собственным текстам» [Сурат 2014: 190].

«Возвращение» Т. Толстой в литературу также воспринимается большинством критиков не как закономерное развитие письма, но как поиск очередной творческой стратегии, что, по нашему мнению, не совсем верно. Толстая не перестает быть ярким автором, будучи публицистом, блогером или телеведущей, и автоидентификация писательницы в новой прозе является подтверждением тому.

ЛИТЕРАТУРА

Абашева М. П., Катаев Ф. А. Русская проза в эпоху Интернета: трансформации в поэтике и авторская идентичность : монография / Перм. гос. гуманитар. пед. ун-т. Пермь, 2013. 168 с.

Бахнов Л. Человек со стороны // Знамя. 1988. № 7. С. 226-229.

Генис А. Как работает рассказ Толстой // Звезда. 2009. № 9. С. 213-217.

Гоцило Е. Взрывоопасный мир Татьяны Толстой / пер. с англ. Д. Ганцевой, А. Ильенкова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. 202 с.

Осьмухина О. Ю. Литература как прием. Татьяна Толстая // Вопросы литературы. 2012. № 1. С. 41-53.

Прилепин З. Отборный козий изюм. [Электронный ресурс]. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%94/denj-literaturi-gazeta/gazeta-denj-literaturi--80-2004-4/12>.

Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении: историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. Москва : Новое литературное обозрение, 2001. 336 с.

Розанов И. Н. Литературные репутации. М. : Советский писатель, 1990. 464 с.

Сурат И. Иногда любовь: новая проза Татьяны Толстой // Знамя. 2014. № 8. С. 188-201.

Толстая Т. tanyant. [Электронный ресурс]. URL: <https://tanyant.livejournal.com>.

Татьяна Н. Толстая [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facebook.com>.

Толстая Т. Легкие миры. М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2014. 477 с.

Толстая Т. Девушка в цвету. М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2015. 348 с.

REFERENCES

Abasheva M. P., Kataev F. A. Russkaya proza v epokhu Interneta: transformatsii v poetike i avtorskaya identichnost' : monografiya / Perm. gos. gumanit. ped. un-t. Perm', 2013. 168 s.

Bakhnov L. Chelovek so storony // Znamya. 1988. № 7. S. 226-229.

Genis A. Kak rabotaet rasskaz Tolstoy // Zvezda. 2009. № 9. S. 213-217.

Goshchilo E. Vzryvoopasnyy mir Tat'yany Tolstoy / per. s angl. D. Gantsevoy, A. Il'enkova. Ekaterinburg : Izd-vo Ural. un-ta, 2000. 202 s.

Os'mukhina O. Yu. Literatura kak priem. Tat'yana Tolstaya // Voprosy literatury. 2012. № 1. S. 41-53.

Prilepin Z. Otbornyy koziy izyum. [Elektronnyy resurs]. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%94/denj-literaturi-gazeta/gazeta-denj-literaturi--80-2004-4/12>.

Reytblat A. I. Kak Pushkin vyshel v genii: istoriko-sotsiologicheskie ocherki o knizhnoy kul'ture Pushkinskoy epokhi. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. 336 s.

Rozanov I. N. Literaturnye reputatsii. M. : Sovetskiy pisatel', 1990. 464 s.

Surat I. Inogda lyubov': novaya proza Tat'yany Tolstoy // Znamya. 2014. № 8. S. 188-201.

Tolstaya T. tanyant. [Elektronnyy resurs]. URL: <https://tanyant.livejournal.com>.

Tat'yana N. Tolstaya [Elektronnyy resurs]. URL: <https://www.facebook.com>.

Tolstaya T. Legkie miry. M. : AST : Redaktsiya Eleny Shubinoy, 2014. 477 s.

Tolstaya T. Devushka v tsvetu. M. : AST : Redaktsiya Eleny Shubinoy, 2015. 348 s.

Данные об авторе

Брызгалова Мария Денисовна – магистрант второго года обучения, Российский государственный институт сценических искусств (Санкт-Петербург).

Адрес: 191028, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Моховая, 34.

E-mail: maria.bryzgalova27@gmail.com

Author's information

Maria Bryzgalova – Master's Degree Student, Russian State Institute of Performing Arts (Saint-Petersburg).